
Вместо эпилога

31 августа 1960

Александр Федорович Котс

Вместо Эпилога. (Послесловие)

Казалось бы, что темных строчек и страниц, извне внесенных в биографию мою, или, что то же, в Мартиролог Дарвиновского Музея было более, чем достаточно, чтобы избавить годы предзаката моей жизни от дальнейших огорчений.

Грустная действительность не оправдала этих ожиданий.

И, как бы желая до конца моей работы затенить ее идейно-светлое служение народу и науке, жизнь не уберегла меня от тягостных переживаний, связанных с последним актом моего 65-ти летнего труда, постройкой здания для Дарвиновского музея.

Давняя мечта и греза моей жизни! Видеть мой посильный труд, достойно закрепленным в стенах, полностью доступных для широкой массы нашего народа.. Не она ли, эта мысль и мечта о превращении моего Музея «Вузовского» в «массовый», побудили меня с первых же дней советской власти стать на ее сторону!

И справедливость требует признать, что мысль о постройке специального Музея находила полное сочувствие и понимание у молодой Советской власти, в частности бывшего Замнаркома Просвещения, профессора М.Н. **Покровского**, который лично посетив Музей, определенно заявил, что здание будет построено.

В сознании этой уверенности я мог с новой энергией отдаться росту содержания моего Музея, чему в высшей степени содействовали широчайшая поддержка Наркомпроса, все сотрудники которого, от мала до велика, были чужды формализма и бюрократизма.

И, однако, думать о реализации строительства в те героические года, когда стиснутая в кольцо врагов и угрожаемая изнутри, Страна Советов изживалась в этой героической борьбе, думать в ту пору о строительстве Музея, разумеется, не приходилось.

Но вот прошли добрые два десятка лет, за какое время вещные богатства Дарвиновского Музея возросли настолько, что вопрос о переводе его в специально созданные стены стал в порядке дня, как жгучая необходимость.

Но о неудачных о ту пору хлопотах и обращениях к ближайшим ведомственным органам по поводу постройки здания уже говорилось выше в частности об иллюзорном возведении «Дворца-музея» и о безрезультатности моих «петиций» к ряду лиц, стоящих высоко в служебной иерархии.

Однако, в результате неустанной творческой работы содержание Дарвиновского Музея возросло настолько, что грозило «вещный удушением»: не только запасные комнаты, но даже помещения подвала, чердака и выставочных залов вынуждено превратились в фондовые склады. Это превращение Дарвиновского Музея в грандиозное «складское помещение», или хранилище сокровищ беспримерной ценности и возрастающая опасность в отношении пожара, вынудили обратиться к самому «Хозяину» Страны — **Никите Сергеевичу Хрущеву**.

Написанное «кровью сердца» обращение к Главе Советского правительства и посланное почтой (28/ XI. -58) возымело подлинно магическое действие.

Прошло не более недели, как ответом на мое письмо было собрание МК и ЦК с приглашением меня на совещание в связи с постановлением о немедленном же приступании к строительству здания для Дарвиновского Музея.

Окрыленный этой резолюцией, этим решением (сам я активно выступал на этом совещаний..) я мог надеяться на скорое осуществление моей мечты о даровании новых стен для дарвиновского Музея.

Но, увы! В своей безмерной радости я не предвидел новых трудностей и огорчений, ожидавших меня в этом деле.

Правда, что от безрассудного (точнее: глупого!) намерения моего бывшего музейного начальства, размещения музея мирового ранга в здании школьного типа, пришлось, конечно, отказаться и строительство музея намечалось в индивидуальном стиле, на основе моих планов, разработанных за долгие полвека на основе личного повторного знакомства с величайшими научными музеями главнейших европейских стран: Англии, Франции, Бельгии, Голландии, Италии, Германии и Австрии.

Тем неожиданнее возникли трудности чисто технического, свойства по вопросу о «междуэтажных перекрытиях».

Как сообщило «Архитектурно-Планировочное управление» «существующие стандарты железобетонных элементов дают возможность перекрывать пролеты не более 6-ти метров».

Между тем минимальная ширина будущих залов Музея определяется в 7½ метра. Для перекрытия их необходимо применение «металлических прогонов» для получения каковых, металлических балок, требуется специальное разрешение.

Итак, на смену полувековых исканий в области зоологических объектов и скульптурных или живописных экспонатов, предстояло изыскание «металлических прогонов», раздобыть которые явилось делом более трудным, чем бывшее приобретение редчайших видов птиц, или зверей из отдаленнейших частей земного шара.

Всего прежде приходилось обратиться к моему тогдашнему «Начальству», именно музейному отделу Министерства Культуры РСФСР. Ответ был мало-утешительным, поскольку мне официально сообщили, что «применение металла при строительстве за правило, не допускается и что рекомендуется для сокращения пролетов подумать о применении колонн.»

Что применение «колонн» грозило бы обезображением музей-залов и уничтожением всего «новаторского» их оформления могло быть неизвестным Министерству, чуждому, музейного строительства.

Тем большее недоумение вызывало выражение «за правило» лишь головою выдававшее недооценку Дарвиновского Музея, как Музея уникального по содержанию, задачам и методике показа.

Зародившийся «на голом месте» и «вне всяких правил» по единоличной воле мальчика-подростка а позднее юного студента на вознаграждения за даваемые им уроки и за переводы диссертаций, а еще позднее молодого ассистента Дарвиновский Музей уже в ту пору в имевшей равного себе в Германии был в дарственном порядке и «вне всяких правил» передан стране задолго до нашей Великой революции.

Можно уверенно, что никогда доселе, ни в одной стране не создавалось сходным образом, «вне всяких правил» столь же крупного музея и при том «на голом месте» и по личной инициативе основателя на его личный, более, чем скромный заработок, не в пример известным основателям Британского Музея или нашей Третьяковской Галереи.

Выражаясь кратко: говоря о Дарвиновском Музее речь идет об абсолютно уникальном учреждении, возникшим и сложившимся наперекор **всем нормам**, или **правилам** культуры всего мира.

Таково суждение десятков мировых ученых, зарубежных и Советских, по ознакомлении их с историей возникновения, содержанием и работой Дарвиновского Музея.

Но поскольку это мнение мировых ученых видимо не разделялось Министерством и Музей расценивался им, как нечто заурядное, не выходящее из «Общих Правил», оставалось в поисках «железных балок» обратиться по другому адресу.

К тому же в целях ускорения постройки целесообразно было перейти из ведения Министерства в таковое Моссовета, как единственно располагающий организациями в деле капитального строительства.

И вот, на смену и в ущерб моих научных незаконченных работ, пришлось заняться обращением к различным моссоветским учреждениям, за помощью в снабжении Дарвиновского Музея требуемым металлом.

Всего прежде к возглавляющему все московское строительство, его руководителю **Кучаренко**. В вторую очередь — к главному архитектору Москвы, **Ловейко**. Следующее обращение к председателю Исполкома Моссовета, именно, Н.И. **Бобровникову**, в свое время побывавшему в Музее, вырвавшем довольно знаменательное восклицание: «какой Музей мы проморгали!»

Но, увы! на все эти горячие обращения не только не последовало позитивного решения: не удостоились вообще ответа! В такой мере вождения мои по линии железных балок обрекали мои письма на ответное молчание!

Как в одной комедии Островского («Тяжелые дни») замоскворецкая купчиха приходила в ужас от произносимого при ней слова «Металл», так лишь одно упоминание о металле в моих письмах словно порождало панику среди моих корреспондентов, вызывая неизменно негативную реакцию.

Слово «металл» являлось очевидно в положении некоего «Табу» и для снятия его мне очевидно приходилось апеллировать к верховной власти, именем которой продиктован был запрет на пользование чистым металлом при строительстве.

Но не решаясь снова беспокоить дорогого нашего «Хозяина», к тому же занятого делами и заботами международного масштаба, я решил обратиться к Первому Заместителю его, А.И. **Микояну**, лично мне знакомому по бывшей его связи с областью пушной промышленности, в частности работой Пушно-Мехового Холодильника, давнего «Заводского Шефа» Дарвиновского Музея.

В целях большей эффективности намеченного обращения, я обратился за посредничеством к Председателю «Союзпушнины» А.А. Каплину, знакомому мне по Холодильнику и сохранившему, как мне сказали, некоторую связь и ныне с **Микояном**.

С той же целью обратился я за помощью к Производственному Шефу, Холодильнику, с товарищеской просьбой о поддержке в этом столь волнующем и неотложном моем деле.

Три бумаги были, таким образом, мною составлены трем адресатам: **Микояну**, Холодильнику и Председателю «Союзпушнины» Каплину, последнему с намеком на мою надежду, что он лично попытается вручить мою бумагу Анастасу Ивановичу. Намек этот был понят должным образом.

Достаточно уже уставшим от писания таких ответственных бумаг, к тому же не вполне здоровым, я собрался с силами и написал мои три обращения, писал их «кровью сердца», доверяя им последнюю мою надежду на предоставление заветного «металла».

Одновременно с моим письмом на имя **Микояна** была послана поддержка моего ходатайства от моего давнего и дорогого «Шефа», Пушно-Мехового Холодильника, солидно, сжато и авторитетно подкреплявшая мое ходатайство.

Бумага эта, копия которой мне любезно была прислана, меня не мало успокоила.

20-го Августа бумага моя была передана **Микояну** лично Председателем «Союзпушнины» Каплиным и, как мне было им же мне сообщено по телефону, принята благоприятно.

Также были мне сообщены и телефоны, по которым я мог справиться о продвижении дела.

И, однако, тщетно ожидал я письменного подтверждения о резолюции, положенной **Микояном**.

Также тщетны были все мои попытки наведения справок по доверенным мне телефонам, отвечавшим неизменно гробовым молчанием.

Отлично понимая, что при занятости Секретариата **Микояна** всесоюзными делами, отвечать на обращения отдельных лиц практикуется, мне все же думалось, что в моем деле, продвижение которого касается миллионов будущих музейных посетителей, уместно было бы и отступление от этой практики.

К этим моментам объективного порядка присоединялись персональные мотивы.

В ряде моих просьб и обращений я указывал на то, что независимо от доводов против «бетонных» перекрытий, я в замене их металлом усмотрел бы исполнение личной просьбы старого советского ученого и патриота, посвятившего вою свою жизнь и ценой неисчислимых жертв, страданий и трудов созданию куль-

турно-просветительного учреждения, которое, по выражению академика Е.Н. **Павловского** «должно служить украшением г. Москвы и быть в ряду выдающихся памятников развития культуры и науки в Советском государстве» (в письме Министру Т.М. **Зуевой** от 16.XII.1964 года).

В исполнении этой моей просьбы я был склонен усмотреть конкретно-вещное признание труда всей моей жизни и в предоставлении «железных балок» для постройки Дарвиновского музея — личную Премию, или награду к моему недавнему восьмидесятилетию.

Увы! этот ни мало не «бетонный» довод приведен был очевидно не «по адресу»: сменялись дни и ночи в неустанном ожидании официального ответа и в тревоге за судьбу моего Дарвиновского Музея, находившегося под угрозой получения вместо пятидесяти требуемых залов полусотню «коридоров».

Ведь не мог же я для отведения последних опираться об одно лишь телефонное сообщение, не имея на руках официальной копии полученного разрешения.

Как злосчастной героине чеховского рассказа, дочери прославленного плодОВОДА, снились по ночам лишь яблоки и груши, так и мне в течении недели снились только «металлические балки», а в часы бессонницы меня мучительно не покидала мысль что мой долгий полувековой культурный труд и безвозмездное обслуживание полумиллиона восхищенных слушателей не заслужили этих «балок».

Таким образом, из области технической вопрос о результате моего ходатайства по поводу «междуэтажных перекрытий» получил оттенок в направлении **этическом** и две недели, мною проведенные в непрекращаемой тревоге я имею основание причислить к самым тягостным моих последних лет.

Но, наконец, в начале Сентября (3/IX), по истечении двух недель моих тревожных ожиданий, прозвучал звонок по телефону, но — увы! не от строительных организаций, извещающих о получении разрешения на металл, а от того же дорогого «Производственного Шефа» — Холодильника, мене сообщавшего, что резолюция **Микояна** переслана в управление **Госплана** на предмет рассмотрения моего дела.

К сожалению, это позднее оповещение через третьих лиц уже не в силах было изменить по существу вопроса о «награждении» меня «железом»: по последним, неожиданно полученным известиям (и снова в устной форме, через третьих лиц!), возможным оказалось сохранить потребные размеры ширины музейных залов (7½ метров), удлинением железобетонных элементов на необходимые два метра.

Таким образом, все мои «кровью писанные» обращения и долгие недели беспокойств, тревог и ожиданий и ночей бессонных оказались беспредметным, никому не нужным выматыванием душевных сил полубольного старого ученого.

И, подводя итог моему долгому строительному мартирологу, столь неоправданному с виду, но от этого не менее реальному, я не могу не указать на главные его причины.

Их я склонен видеть в том, что за чудесными, чарующими достижениями моей Советской Родины, за потрясающим величием его технического гения, успехами, возможными лишь при предельной слаженности управляющего аппарата, неизбежно потускнело отношение его к отдельным людям там, где их труды не претендуют на значение и ранг общественного подвига.

И отмечая Грамотами, орденами и медалями отдельных деятелей нашей культуры соответственные Органы порой утратили то личное, простое отношение к людям, что так трогательно сказывалось в первые годы молодой Советской власти, даже в обращении к виднейшим представителям ее.

Отлично понимая, что возможное в ту пору, когда считанными были эти представители и преданные им работники культуры, невозможно ныне в колоссально выросшем Советском обществе и управленческом аппарате, не могу не высказать, как чутко и болезненно воспринимается людьми моего возраста, свидетелями первых лет Советской власти, эта вынужденная подмена личного общения бумагами, особенно не подходящими до адресата.

В наивысшей форме и особенно болезненно это сказалось в постановке всего дела о постройке здания для Дарвиновского Музея.

После однократного лишь посещения и получения от меня подробно разработанного плана будущего здания, по однократном посещении «Моспроекта», убедившем меня в малой информированности его во всем,

касавшемся музейного строительства, (неудивительной, поскольку никаких музеев до сих пор у нас не строилось..) в дальнейшем дело о постройке здания для Дарвиновского Музея было Моспроектом взято на себя и, если и не за моей спиной, то через мою голову, полвека посвятившую идеи учреждения.

И да не скажут нам: ведь строится Музей на основании детально разработанного мною плана, столь подробного, что место каждого объекта, каждого гвоздя для той или иной картины точно предусмотрены.

Все так, но одно дело проектирование на бумаге и другое — проецирование этих бумажных сведений на подлинные стены, при учете требований технического свойства: вентиляции и топки, освещения и свойств строительного материала.

Говоря иначе: факт наличия подробнейшего «Плана», мною данного не исключает пользы, чтобы не сказать необходимости моей посильной консультации при проведении этого плана на «язык бетона или кирпича».

На деле сдачей плана ограничилось участие мое в этом столь кровно близком мне строительстве.

Можно уверенно сказать, что никогда доселе, ни в одной стране не создавалось здания Музея сходного масштаба столь «централизованным порядком», без потребности в общении с создателем Музея. И причины этого «сепаратизма» слишком хорошо понятны.

Привыкшие к стандартному строительству при возведении «штампованных» жилых многоэтажных зданий, современные советские строители сочли возможным обойтись и в данном случае без регулярных консультаций с основателем Музея и тем самым «вдохновителем» его строительства.

Как бы то ни было, но при подобной постановке практики Советского строительства, мне оставалось только примириться с мыслью, что обеспечив подлинно новаторское слово в деле содержания Музея и методики показа, я во всем, касающемся **стен** (увы! столь неразрывно связанных с манерой экспозиции!) был вынужден сложить с себя ответственность, поскольку изначальные мои наметки, или планы лишь отчасти воплотились в их «кирпичном» оформлении.

Все вместе взятое, и долголетние хождения по инстанциям с вымалыванием постройки, столь давно обещанного здания, и многомесячные «выторговывания» нужной кубатуры, и многодневные мучительные ожидания ответа на испрашивание «железных свай», все вместе взятое набросило на столь, казалось, радостный давно желанный «эпилог» всей моей жизни, моего труда, постройку здания для моего Музея, горестную тень усталости и грусти...

В подтверждение мысли **Гете**, как то раз заметившего, что «Энтузиазм — не селечный товар, пригодный для хранения впрок», эта извне навеванная мне усталость угрожает обесценить столь давно и страстно ожидаемую радость, увидеть при жизни исполнение мечты моей далекой юности, созвучно афоризму «О мечтаниях юности, под старость выполнимых».

К сожалению, для изживания не только скорби, но и радости необходим достаточный запас душевной силы и энергии...

Достанет ли их мне при моем возрасте и после стольких горестей и треволений?

Разрешение этого вопроса я вверю наступившей поздней «Осени» и предзакату моей жизни.

31 Августа 1960.

А. Котс.